

библиотеках свидетельствует о непопулярности их в среде местных книжников. В числе таких житий он называет и Житие Варлаама Керетского.¹² Приведенная выше схема взаимоотношений текстов Жития Варлаама свидетельствует о довольно сложной литературной истории произведения, о существовании целого ряда не дошедших до нас списков его. В. О. Ключевскому был известен один список Жития, мы располагаем уже пятью. Все это опровергает вывод В. О. Ключевского. О широкой распространенности списков Жития Варлаама Керетского на русском Севере свидетельствуют и сведения об этом местных жителей. Во время археографической экспедиции в Беломорье летом 1959 г. в селе Кереть нам сообщили, что здесь когда-то бытовали списки этого Жития.¹³ Итак, мы имеем все основания считать, что как популярен был образ Варлаама Керетского в устной традиции Поморья, о чем более подробно мы будем говорить ниже, так же популярно было здесь и его письменное Житие. Происхождение известных нам в настоящее время списков Жития свидетельствует о распространенности этого Жития по всему Поморью — от Мезени до Керети.

* * *

Время, когда жил Варлаам, обозначается в Житии так: «В лета бещаря и великаго князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца». Никаких материалов, которые давали бы возможность проверить это сообщение Жития, нет. По характеру этой фразы можно утверждать, что Житие было составлено во всяком случае после царствования Ивана Грозного (т. е. после 1584 г.). Петр Буторин «поведал» автору Жития о происшедшем с ним в детстве случае в 1664 г. Во втором чуде рассказывается о воеводе Кольского острога¹⁴ Гурии Ивановиче Волинцове, который «правил» «воеводскую власть» «при благоверном царе Михаиле Федоровиче», т. е. в период времени между 1613—1645 гг. Слова в этом отрывке о Литовской войне (в списке Д — «после Литовския войны») еще более уточняют возможное время воеводства Гурия Волинцова в Кольском остроге: периодом с 1634 г. (Поляновский мирный договор) по 1645 г. Гурий Волинцов — действительное историческое лицо. В известном труде А. Барсукова¹⁵ в перечне воевод Кольского острога Гурия Волинцова нет, но А. Барсуков фиксирует сведения, собранные им из опубликованных материалов, и данные его далеко не исчерпывающи. А между тем государственный деятель с таким именем известен, и именно во времена Михаила Федоровича он воеводствовал на русском Севере и в Сибири: Гур Иванович Волинцов в 1625 г. был на воеводстве в Пустозерском остроге,¹⁶ а в 1631 г. в Туринском остроге.¹⁷ Таким образом, где-то в 30—40-х годах он мог воеводствовать и в Коле (У А. Барсукова нет сведений о воеводах в Коле с 1631 по 1640 г., с 1647 по 1664 и за ряд других лет). Второе чудо, следовательно, под-

¹² Ключевский, стр. 398.

¹³ Отчет об этой экспедиции см.: Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 531—544. — Находка в 1969 г. пятого списка подтверждает справедливосг устных сведений о распространенности списков Жития в Беломорье.

¹⁴ Кола называлась «острогом» с 1550 по 1701 г.: в 1701 г. Кольский острог был переименован в Кольскую крепость.

¹⁵ А. Барсуков. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, СПб., 1902.

¹⁶ Там же, стр. 187.

¹⁷ Там же, стр. 251.